

«Гермиона, — сказал он, — я выгляжу так, будто из меня высосали душу. Это не так уж и плохо, не так ли?»

«Нет... не совсем, — ответила она. — Сириус, — она сглотнула, — Сириус, они думают, что это ты. Ты... хранитель тайны... все думают, что это ты, ты лучший друг Джеймса, но... но все не так. Ты заставил их выбрать Питера. Идеальный блеф, как ты это назвал. Но он шпион — он их выдал. Ты... ты выслеживал Петтигрю и... и он поднял крик, чтобы все услышали, что ты был хранителем секрета. Министерство... ты напала на него, они посадили тебя в Азкабан»

Сириус побледнел. 'На сколько?' — сердито спросил он. «Как скоро Дамблдор скажет им правду? Как скоро они поймут Червехвоста? Говнюк и предатель!» Его ярость наполняла его, как кипящая вода в животе, распространялась по его членам и обжигала его изнутри — он никогда не чувствовал себя так: «После всего, что Джеймс сделал для него! Десять чертовых лет дружбы! Этот двуликий ублюдок, Я УБЬЮ ЕГО!» Его руки дрожали, когда он глубоко вздохнул. «Я не могу в это поверить! Гермиона! Как долго я там пробыл? Пожалуйста, скажи мне, что я поймаю его за это, или это сделает Лунатик».

«Он умер, но Сириус — Дамблдор не знает — он тоже думает, что ты хранитель секрета. У тебя не будет суда. Тебя просто посадят».

'Как надолго?' - крикнул он ей. «Сколько времени пройдет, прежде чем я убью этого ублюдка с крысиной мордой?» Питер, ты чертов трус в отчаянии подумал Сириус.

'На двенадцать лет.'

Гермиона сказала это так тихо, что он едва услышал ее из-за шума машин на улице внизу. Лицо ее было бледно, глаза широко раскрыты; он вел себя как сумасшедший и знал это, но что-то внутри него оборвалось... Хвост, его пожалели, помогли ему... Джеймс убедил Сириуса дать ему шанс, и вот чем Питер отплатил ему? Как он мог?

«Сириус, — сказала она, — Джеймс и Лили в безопасности. Мы собираемся обеспечить их безопасность».

«Это не меняет того, что он сделал!» Сириус зарычал на нее.

«Я знаю, Сириус, но именно из-за этого, — она указала на него, — из-за этого гнева они думают, что это ты. Ты сошел с ума, когда узнал, что он сделал, и да, ты очень стараешься его убить. Тебе нужно контролировать себя. Ты не сможешь помочь Джеймсу, если тебя ослепляет ярость».

Сириус глубоко дышал, пытаясь подавить бурлящую, острую ненависть, охватившую его. Наконец, сжав кулаки так сильно, что он думал, что у него сломаются пальцы, ему удалось спросить спокойным голосом, который удивил его: «Неужели я сошел с ума?» Он знал, что может случиться с людьми, если они подвергаются воздействию дементоров в течение

длительного периода времени. «И поэтому я выгляжу таким растерянным?» Он не мог говорить о Питере, иначе снова начал бы кричать.

«Ты убегаешь, как собака, вот как ты выживаешь, поэтому ты не злишься. Судя по тому, что ты нам рассказал, ты много времени находился в форме анимага. В этом смысле дементоры не так сильно на тебя повлияли».

Сириус стоял там, застыв в ужасе от ее слов, ярость кипела под его тщательно контролируемым фасадом. Он заметил, что его сигарета догорела, раздавлена в сжатом кулаке, его рука и кисть одеревенели, когда он попытался сбросить окурок с края балкона.

«Хорошо, — сказал он тем же холодным и спокойным тоном. — Я отправляюсь разобраться с Питером. Я свяжусь с тобой, чтобы начать организацию этого крестража». И прошел мимо нее прежде, чем Гермиона отреагировала.

«Нет, Сириус!» она схватила его за руку. «Дай мне еще десять минут. Обещаю, ты сможешь убить Петтигрю позже. Но сейчас он нам нужен. Пожалуйста! Тебе нужно понять мою идею — план — без него он не сработает. Если ты остановишь его сейчас, Лили и Джеймс окажутся в еще большей опасности. Таким образом, мы узнаем, когда произойдет атака».

Черт побери... она была права. Он знал это. Он все еще хотел уйти и проклясть Петтигрю до полусмерти — но, по ее словам, так только стало бы хуже для Лили и Джеймса. И Гарри. Он плюхнулся на диван. Его разум все еще шатался... Хвост был шпионом? Он убил Лили и Джеймса? Джеймса, парня, который защищал его всю жизнь? Неудивительно, что его внутренним животным была крыса. Предательство ранило сильнее, чем мысль об убийстве Джеймса и Лили — этого еще не произошло, и вряд ли казалось ему реальным, но Хвост уже шпионил, подкрадывался...

'Отлично. Говори» — сердито сказал он, скрестив руки на груди и глядя на нее.

«Я знаю, что Волан-де-морт будет один и будет идти по дорожке сада Поттеров в ночь на Хеллоуин. Я знаю, где находятся все крестражи. Я знаю, как их уничтожить».

Сириус коротко кивнул. «Ты уже это говорила».

«Хэллоуин — единственный раз, когда я могу быть абсолютно уверена в местонахождении Волан-де-морта. Что он будет один. Если Петтигрю не предаст Поттеров, я не знаю, где будет Риддл. Несмотря на то, что у Ордена есть шпионы, мы не знаем, останется ли он когда-нибудь один, не окруженный Пожирателями Смерти. Если Питер не станет хранителем тайны, все изменится, и может измениться к худшему». Она встретила его взгляд своим собственным, и Сириус слегка съезжил на диванных подушках. Эта женщина выглядела немного устрашающе: руки на бедрах, брови нахмурены; что-то напоминало профессора МакГонагалл в том, как ее губы были сжаты.

«Разве ты не видишь?» она продолжила: «У меня есть пять месяцев, чтобы получить крестражи и разобраться с ними – если хочешь помочь, это было бы очень полезно. А потом я устрою засаду на Риддла в Годриковой Лощине и убью его. Гарри видел: ранним вечером он идет по дороге, ведущей к Поттерам. Все, что мне нужно сделать, это спрятаться и хорошо прицелиться, и он будет мертв». Она остановилась, как будто ожидая, пока он уловит суть.

«Но если ты убьешь Питера сегодня вечером, мы не узнаем, когда Риддл нападет и где он будет. Лили и Джеймс, возможно, выживут, но террор Волан-де-Морта продолжится. Разве ты не понимаешь?» она сильно ткнула его в грудь. «Я работала над этим три года, с тех пор, как Гарри убил его. Я провела свою жизнь, наблюдая, как мои друзья умирают, подвергаются пыткам и сходят с ума от страха. Если мы сделаем это – если мы будем следовать плану – все закончится через пять месяцев. Больше никакого страха. Больше никаких потерь».

Сириус молчал, застыв, кипящая ярость, медленно покидавшая его, сменилась чем-то холодным и твердым – страхом, как он понял. Не только страхом от принятия такого огромного вызова и того, что произойдет, если он облажается, но и страхом перед этой ведьмой, которая стояла перед ним; он не мог вспомнить, когда в последний раз его отчитывали подобным образом, особенно за то, чего он еще даже не совершил.

Гермионе показалось, что прошли часы, пока она стояла и смотрела, как он обдумывает ею сказанное, и ждала, пока он примет решение. Она не могла винить его в желании убить Петтигрю – в конце концов, крыса этого заслуживала. Но она знала, что это единственный способ быть абсолютно уверенным, лучший шанс избавить мир от мерзкого существа, которым стал Том Риддл.

Сириус пошевелился; его рука скользнула под пиджак и вытащила палочку. Гермиона достала свою; она бы оглушила его, если бы пришлось. Но он просто указал своей на почти пустую флягу из-под огневиски, стоявшую перед ним на столе, и что-то пробормотал себе под нос; фляга начала наполняться сама собой. Когда он снова наполнился жидкостью янтарного цвета, он взял ее и сделал глоток. Он оглянулся и протянул ей фляжку, на его лице отразилось удивление, когда он понял, что ее палочка указывает на него.

Ты серьезно?' — спросил он, изогнув бровь, и на его губах заиграла легкая ухмылка. «Я ненавижу тот факт, что маленький предатель бежит на свободу, и мне не нравится, насколько это будет рискованно – но я не дурак».

Она опустила палочку и взяла у него флягу. Она сделала маленький глоток и протянула её обратно. Он похлопал диван рядом с собой и проглотил еще одну здоровую порцию. Она села и снова получила флягу.

Они сидели так долгое время, передавая напиток друг другу, Сириус курил одну сигарету, а пустую бутылку из-под вина использовал как пепельницу. Никто из них не говорил; даже если бы они были способны, что бы они сказали?